

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 576-587. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.576
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Development of School Education in the Turgay Region in the second half of the nineteenth century

Galina U. Karpykova ^{a,*}, Bibikul M. Utegenova ^a, Serikbai O. Ospanov ^a

^a Kostanai State Pedagogical university, Kazakhstan

Abstract

The article deals with process of the development of school education in the Turgai region in the second half of the XIX century. Considerable attention is paid to the opening of educational institutions of various types for Kazakh children.

The materials used are documents of the State Archives of the Orenburg Region and the National Archive of the Republic of Tatarstan. Of great importance are scientific publications on research topics published in the pre-revolutionary and modern periods, as well as materials of personal origin (memoirs, letters).

In conclusion, the authors note that the Turgai region was a kind of an illustrative example of the positive dynamics of the development of schools, as the imperial policy of reforming the national schools found support here in the person of the outstanding Kazakh educator Ibrai Altynsarin. The historical phenomenon of Altynsarin's personality was manifested in the fact that he, having progressive educational views for that time, saw in the opening of Russian-language schools for Kazakh children, among other things, the positive consequences of enlightening the people.

Keywords: Turgay region, education of foreigners, Russification, Ilminsky system, Russian-Kyrgyz school, aul school, Ibrai Altynsarin, women's education, technical education.

1. Введение

Во второй половине XIX века на территории современного Казахстана осуществлялась имперская школьная реформа, подразумевающая становление единой системы народного просвещения. Данная политика была обусловлена необходимостью усиления позиций Российской империи во вновь присоединенных казахских территориях через открытие русских школ и политику русификации инородцев, а также необходимостью вовлечения края в орбиту социально-экономических отношений путем обучения и формирования лояльного к колониальным властям подрастающего молодого поколения.

Местная казахская знать отчасти была заинтересована обучать своих детей в русских школах, так как наличие русскоязычного образования могло обеспечить успешный карьерный рост казахов по службе в колониальном государственно-административном аппарате.

Показательной в прослеживании динамики развития школьного образования в этот период является Тургайская область, вошедшая в 1868 г. в состав Оренбургского генерал-губернаторства. Внутри она состояла из 4 уездов: Актюбинского, Иргизского, Костанайского и Тургайского. В свою очередь, уезды по территориальному принципу подразделялись на волости, волости – на административные аулы.

Во второй половине XIX века Тургайская область представляла собой крупный экономический регион, находясь на пересечении выгодных торговых путей из России в Среднюю Азию.

* Corresponding author

E-mail addresses: galina_karp@inbox.ru (G.U. Karpykova), bibi1960@mail.ru (B.M. Utegenova), kmkz55@mail.ru (S.O. Ospanov)

Геополитическое положение региона обусловило мощную переселенческую волну русского населения в Тургайский край (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 84671. Л. 18). Данный фактор способствовал насаждению русскоязычного образования и русификации местного населения. Таким образом, в данной статье рассматривается процесс развития школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века в социально-историческом контексте и дается описание предпосылок, приведших к становлению русскоязычного образования и повышению грамотности казахов.

2. Материалы и методы

Данная статья построена на методологических принципах историзма и объективности, что позволяет рассмотреть развитие школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века через призму государственной политики реформирования национальных школ в Российской империи.

Использование авторами проблемно-хронологического и ретроспективного методов дает возможность всесторонне рассмотреть проблему развития школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века.

В качестве материалов были использованы документы Государственного архива Оренбургской области и Национального архива Республики Татарстан. Важное значение имеют научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды, а также материалы личного происхождения (воспоминания, письма).

3. Обсуждение

Проблема развития школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века находилась в центре изучения в дореволюционной историографии. Наиболее достоверную информацию предоставили первые идеологи и практики в продвижении школьного образования в степи – дипломаты и военные чины, служившие в приграничных округах (письма и записки вышестоящему начальству оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского, военных губернаторов Тургайской области Л.Ф. Баллюэка, А.К. Гейнса, А.П. Константиновича ([Веселовский, 1888](#); [Васильев, 1896а](#); [Катаринский, 1897](#); [Остроумов, 1899](#)). О внедрении в систему школьного обучения концепции просвещения инородцев Н.И. Ильминского писали дореволюционные исследователи ([Чудновский, 1888](#); [Васильев, 1896](#); [Ильминский, 1891](#); [Алекторов, 1900](#); [Воскресенский, 1906](#)). Вопросы практики обучения в русско-казахских школах нашли отражение в трудах А.А. Воскресенского ([Воскресенский, 1906](#)), М. Греховодова ([Греховодов, 1913](#)), Н. Андреева ([Андреев, 1915](#)). Видные российские ученые-ориенталисты В.В. Вельяминов-Зернов ([Вельяминов-Зернов, 1866](#)), В.В. Радлов ([Радлов, 1870](#)), В.В. Григорьев ([Григорьев, 1875](#)) исследовали общие вопросы развития русского языка и культуры в Казахстане во второй половине XIX века. Проблемам русификации жителей национальных окраин Российской империи посвящены современные исследования С.В. Сопленкова ([Сопленков, 2000](#)), Л.М. Дамешек, А.В. Ремнева ([Дамешек, Ремнев, 2007](#)), Н.Е. Бекмахановой и др. ([Бекмаханова и др., 2008](#)).

Отдельные аспекты развития образования в Казахстане, в том числе в Тургайской области, роли Ибрая Алтынсарина в просвещении казахского народа рассмотрены в научных трудах иностранных исследователей, таких, как А. Дениз Балгамиш, Томохико Уяма, Мустафа Туна, Йен Уайли Кэмпбелл ([Deniz Balgamis, 2000](#); [Tomohikou Yama, 2000](#); [Mustafa Özgür Tuna, 2002](#); [Ian Wylie Campbell, 2011](#)). Предметом их особого интереса стали вопросы образовательной политики России и продвижения русскоязычного образования в степь, поэтапного развития образования во второй половине XIX века, способствовавшего социально-культурному прогрессу казахского общества и становлению казахской интеллигенции, роли Ибрая Алтынсарина в открытии школ в Тургайской области для детей казахов, создании казахского алфавита и первых учебников.

О жизни, творческой и педагогической деятельности Ибрая Алтынсарина говорится в научных трудах современного казахского ученого-исраеоведа С.О. Оспанова ([Оспанов, 2016, 2017](#)).

4. Результаты

К середине XIX века Российская империя представляла собой огромный конгломерат, состоящий из собственно России и национальных окраин. В связи с расширением территории империи стояла актуальная государственная задача обеспечения единого административно-территориального и социального устройства. Задача включения инородцев в социальную и культурную сферу могла быть решена только путем развития народного просвещения, в первую очередь школьного обучения. Именно развитие школьного образования стало основой внутривосточного курса в национальных окраинах. Поэтому с целью предотвращения будущего распада империи по национальному признаку был выбран курс на русификацию инородцев через систему образования ([Ткаченко, 2002: 194](#)). Развивая систему школьного обучения, приобщая молодое поколение к русскому образованию и культуре, можно было воспитать новую генерацию национальных кадров, идейно близких к России.

Главным идеологом политики русификации выступил С.С. Уваров, президент РАН, попечитель Петербургского учебного округа, считавший единственным эффективным способом завоевания

национальных окраин развитие русского просвещения и культуры (Сопленков, 2000: 144). В унисон концепции С.С. Уварова звучали идеи профессора Казанского университета О.М. Ковалевского о высокой миссии России принести народам Азии истинное образование (Сопленков, 2000: 155).

Современные исследователи считают, что русифицированная система народного образования являлась стержнем прочной идеологической базы, необходимой для существования Российской империи как единого и стабильного многонационального государства (Бекмаханова и др., 2008: 172), способствовала возникновению во вновь присоединенных территориях локальных центров имперского влияния (Дамешек, Ремнев, 2007: 18-19). Русификация подразумевала ограничение культурной самобытности и активное распространение русского языка, замену местных органов управления на общеимперские, интенсивное распространение православия и русской культуры (Бекмаханова и др., 2008: 171). Эффективными путями русификации в Казахстане стали открытие русских школ, совместное обучение детей русских поселенцев и казахов, подготовка учителей из числа казахов для русско-казахских школ, создание письменности на основе русской графики, написание и издание учебников на казахском языке русским алфавитом.

26 марта 1870 г. были утверждены «Правила о мерах к образованию населяющих Россию народов», объявляющие конечной целью образование, обрусение инородцев и слияние их с русским народом. План развития просвещения предусматривал открытие в окраинах гимназий и народных школ, а также создание учительских семинарий. Доступ в средние учебные заведения объявлялся открытым как для русских детей, так и для представителей коренного населения. Большое значение придавалось совместному обучению детей, призванному способствовать обрусению инородцев (Остроумов, 1879: 67).

В осуществлении политики русификации правительство столкнулось с серьезными трудностями, которые были сопряжены с преодолением культурной отсталости народов, устранением противостояния на религиозной почве, недовольством местной знати, подавлением влияния национальной культуры (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 21290. Л. 120).

Кроме идейных противоречий, негативно сказывались на развитии школьного обучения отсутствие светских школ, специальных методик обучения, недостаток материальных средств и подготовленных учителей. Для успешного решения задач должны были сформироваться образовательные потребности казахского населения, оформиться стремление приобщиться к более прогрессивной русской культуре.

Основой государственной образовательной политики на востоке России стала концепция инородческого образования профессора-востоковеда Казанского университета Н.И. Ильминского. В ее основе лежала идея об использовании родного языка в просвещении инородцев. Резкий отпор концепции инородческого образования оказало мусульманское духовенство, видя в ней исключительно миссионерский характер и полагая ее опасным конкурентом во влиянии на молодежь. Но, несмотря на это, система Н.И. Ильминского, успешно апробированная в Казанском учебном округе, была положена в основу развертывания соответствующей сети школ в Казахстане, включая подготовку необходимой «инфраструктуры».

Необходимость развития просвещения в Казахстане раньше, чем столичные органы власти, осознали региональные центры управления степью. В конце 40-х годов XIX века канцелярия оренбургского генерал-губернатора вступила в переписку с петербургскими ведомствами, считая необходимым указать на важность подготовки в российских учебных заведениях фельдшеров и ветеринаров из числа казахов, так как скотоводство, являясь основным занятием казахов-кочевников, обеспечивало продуктами и сырьем ту же Россию. В 1850-е годы в Оренбурге стали говорить и о возможности технического образования казахских детей в Казанском университете, и вообще о возможности казахов поступать в российские университеты.

Первым учебным заведением, в которое был разрешен доступ детям казахов, стало Неплюевское военное училище (позже Неплюевский кадетский корпус), открытое в 1825 году в Оренбурге. Правительство, разрешая детям казахов учиться в данном учебном заведении, считало, что тесное общение инородцев с русскими будет иметь свои благоприятные последствия в отношении усвоения первыми русского языка и русского мировоззрения (Васильев, 1896b: 8). Самыми первыми учениками-стипендиатами стало 7 казахских мальчиков (Васильев, 1896a: 14). До середины 1840-х годов, вплоть до преобразования училища в кадетский корпус, численность учеников-казахов была незначительной из-за новизны проекта, а также трудностей в усвоении казахскими детьми учебных предметов, в том числе шести языков: русского, французского, немецкого, татарского, арабского и персидского (Васильев, 1896b: 4-5). Кроме языков, в учебную программу входили история (всемирная и российская), география (математическая, всеобщая и российская), основы естественной истории (ботаники, зоологии и минералогии) с приложением этих предметов к условиям края. Далее следовали арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия. Также изучались военные дисциплины – полевая фортификация, начальные основания артиллерии, рисование и черчение планов, военная эскерция (Матвиевская, 2016: 13).

Неплюевское училище явилось первым военно-учебным заведением в России, где в обязательном порядке изучались восточные языки (Матвиевская, 2016: 13). Это была так называемая краевая специфика, обусловленная приграничным положением Оренбурга.

Училище должно было содержаться на местные средства. Основными источниками финансирования были проценты с накопленного основного капитала училища и так называемый билетный сбор с киргизов, как тогда называли казахов, который с 1817 года взимался за право найма их прилинейными жителями на работу. Сбор поступал в Оренбургскую пограничную комиссию и перечислялся в Неплюевское училище (Матвиевская, 2016: 12). Таким образом, несмотря на малочисленность обучающихся детей казахов, местное население участвовало в содержании училища.

В 1844 г. училище было преобразовано в кадетский корпус и для большего привлечения детей казахов в нем было открыто два отделения – для русских и азиатов по 100 учащихся-интернов в каждом (Васильев, 1896а: 16).

Из 100 мест 30 казеннокоштных мест предназначалось детям киргизских султанов, старшин и биев (Матвиевская, 2016: 60). Но и эти вакансии казахи не могли закрыть, так как не хотели отпускать сыновей учиться в «непонятный» кадетский корпус. В это же время среди казахов распространилась молва, что их сыновей хотят окрестить и отправить в солдаты (Васильев, 1896b: 6). Поэтому позже в отношении казахов было принято решение разрешить им посещать занятия в качестве вольнослушателей с обязательной сдачей экзамена на знание русского языка с оплатой 10 рублей в год. Надо признать, что и эта мера не решила кардинально проблему увеличения количества учеников-казахов, так как многие не смогли пройти приемные испытания. В 1866 г. корпус был преобразован в военную гимназию. Согласно Положению прием в гимназию отныне был закрыт для казахов по ряду причин. Во-первых, военное образование не отвечало насущным потребностям казахов-кочевников, а во-вторых, казахи не несли воинскую повинность, т.е. не призывались на военную службу (Васильев, 1896b: 11). Теперь дети казахов могли получать только гражданское образование. За все время существования корпуса количество обучавшихся в нем казахов неизвестно, но известно то, что полный курс обучения завершило 25 курсантов (Васильев, 1896а: 25-26). В историю данное учебное заведение вошло под названием «колыбель русского образования киргизов» (Васильев, 1896b: 1).

Альтернативой для получения казахами гражданского образования стала открытая в 1850 г. в Оренбурге 7-летняя общеобразовательная школа для казахских детей при пограничной комиссии. Положение об открытии было принято еще в 1844 году, но открытие запоздало на 6 лет из-за необходимости решения ряда вопросов об ее обустройстве (Васильев, 1896а: 35). Согласно Положению школа была призвана готовить знающих русский язык письмоводителей и гражданских чиновников для работы в низшем звене аппарата управления. В основу обучения была определена педагогическая система Н.И. Ильминского. Наряду с русским языком обучение в школе предполагало преподавание ислама и турки. В ней могли учиться дети привилегированных сословий казахского общества (в составе первых записанных в нее 30 детей 11 были сыновьями султанов, 5 – биев, остальные – старшин), но также был возможен доступ детям простых казахов, лояльных к царскому правительству. В Положении подробно регламентировались все вопросы жизнедеятельности школы: прием, подача заявления, начало занятий, обязательные предметы для обучения, требования к учителям, распорядок дня и многое другое (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 561/2).

В первый год на учебу из Оренбургского края было принято, как уже говорилось выше, 30 учеников в возрасте 11–14 лет. Среди них был будущий казахский педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин.

Администрация Оренбургского края, пытаясь сохранить обычаи и традиции учеников школы, приспособила учебный процесс к кочующему быту казахов. Ученики были обеспечены своеобразной формой по казахскому фасону (бешмет, нагрудник под бешмет, шаровары, кушак, кафтан, тюбетейка и башлык). Кроме этого, для нужд школы было приобретены 5 юрт, табун великолепных скакунов и дойных кобылиц - для обучения верховой езде и обеспечения детей кочевников кумысом. Администрация следила за тем, чтобы детей кормили национальными казахскими блюдами. В меню значились лапша с куртмом, бешбармак, поджаренная баранина, просяной суп, плов из баранины (Васильев, 1896а: 40-41).

В школе было 4 класса – нижний, средний, верхний и практический; первые три класса двухгодичные и последний – одногодичный. Полный курс обучения составлял 7 лет. Ученики изучали русский и татарский языки, чистописание, арифметику, мусульманское вероучение и делопроизводство на русском языке. Кроме прочего, детям преподавалась гимнастика (имеется в виду физическая культура). В инструкции для руководства школой говорилось о том, что уроки гимнастики необходимы для здоровья воспитанников, так как сидячий образ жизни вреден для развития детей, привыкших к кочевой жизни и к движению (Ильминский, 1891: 60).

К преподаванию в школе были привлечены секретарь колледжа Бекчурин – по татарскому языку, титулярный советник Костромитинов – по русскому языку и арифметике, ахун Оренбургской мечети Гусман Мусаулы – по законам ислама. Уроки в понедельник и во вторник шли с 9.00 до 16.00, в среду и четверг – с 9.00 до 11.00, в пятницу – священный день для мусульман – дети не учились. В воскресенье проходили уроки по исламу и татарскому языку. Из 20 уроков, проводимых в неделю, восемь велось на русском и шесть – на татарском языках. Ученики изучали арабский и персидский языки (ЦГАО. Ф. 9. Оп. 9. Д. 10).

Первым надзирателем школы в течение 6 лет был коллежский советник, в свое время преподаватель восточных языков в Неплюевском кадетском корпусе, татарин С. Кукляшев, и благодаря ему в школе установилась чисто татарская, мусульманская обстановка: прислуга была татарская, кушания татарские, ученики брили голову, совершали омовения, праздновали пятницу и ходили в мечеть (Ильминский, 1891: 15). После С. Кукляшева надзирателем школы был назначен Дыньков, прямо противоположный Кукляшеву. По описанию Н.И. Ильминского Дыньков был коренным русским, в свое время получил образование в Неплюевском училище, долгое время служил в Орской таможне, глубоко знал природу и нравы казахов. Он приложил немало усилий, чтобы придать школе светский характер. Стараясь не нагнетать обстановку, Дыньков предоставил выбор самим ученикам: брить или отпустить волосы, совершать омовения или ходить в баню, соблюдать мусульманский пост уразу или отказаться. Надо сказать, что воспитанники школы сразу поддержали нововведения Дынькова. Мулла, преподававший в школе азы ислама, высказал недовольство ими, но Дыньков, беседуя с ним, обосновал по-житейски (с точки зрения здоровья и гигиены учеников) необходимость этих новшеств (Ильминский, 1891: 15-18; Васильев, 1896а: 43-44).

В 1857 г. был произведен первый выпуск учеников школы. Из 30 поступивших 7 лет назад детей казахов окончили полный курс 20 юношей: 5 – с отличными достижениями, 5 – с весьма хорошими, 2 – с очень хорошими, 3 – с хорошими и 5 – с удовлетворительными. Среди отличников был и Ибрай Алтынсарин (Васильев, 1896а: 50-51).

В 1859 г. в учебный план школы были дополнительно введены русская история, математика, общая и русская география. Школьная библиотека была дополнена литературой с сочинениями русских классиков. Кроме обязательных предметов, казахские мальчики старших классов знакомились с нужными в степном быту ремеслами – слесарным, токарным, переплетным, а также стали получать понятия о земледелии, лесоводстве, ветеринарном искусстве и умении действовать ланцетом.

В том же году территориальная пограничная комиссия переименовывается в областное управление Оренбурга. В связи с большим количеством желающих поступить в школу областное начальство увеличило контингент учеников-казахов до 40 человек, а в 1863 году – до 50 (ЦГАО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7325а).

Модель школы, созданная под руководством Н.И. Ильминского, легла в основу школ, открытых в Тургайской области для распространения русскоязычного образования и борьбы против татарских мулл (Mustafa Özgür Tuna, 2002: 269). Именно в этих школах с середины XIX века некоторые казахи начали получать российское образование, и из этой группы появились первые казахские интеллектуалы. В их числе известный ученый Шокан Валиханов, известный педагог Ибрай (Ибрагим) Алтынсарин (Tomohikou Yama, 2000: 78).

Несмотря на успешность деятельности первой русско-казахской школы, в 1867 г. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский подготовил представление в Министерство народного просвещения о закрытии школы, мотивируя тем, что в городе открывается гражданская гимназия, где могут обучаться и дети казахов. На основе данного представления 2 декабря 1868 г. школа была закрыта, а ученики переведены в гражданскую гимназию (Васильев, 1896а: 53). Но теперь не стало возможности готовить переводчиков и делопроизводителей из казахов, так как гражданская гимназия давала лишь общее русское образование.

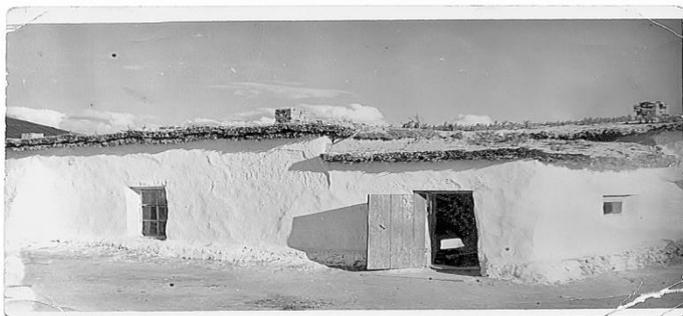
Важное место уделяли местные власти развитию медицинского образования, так как в степи не было квалифицированных медицинских кадров. Особо остро стояла проблема профилактики оспы. В 1841 г. было утверждено Положение о фельдшерской школе при Оренбургском военном госпитале. В ней предполагалось обучать 10 казахских мальчиков фельдшерскому делу и оспопрививанию. Из казны выделялось по 550 рублей в год, по 55 рублей на каждого ученика школы. Из Петербурга для практического обучения учащихся были высланы комплекты оспопрививательных игл и лимфа с краткими наставлениями, когда и как прививать от оспы детей и взрослых. Но данная инициатива правительства не встретила одобрения местного населения. В силу обычаев и религиозных предубеждений казахи не желали отправлять своих сыновей на учебу в фельдшерскую школу. Родители даже поступивших детей под разными предлогами затем забирали их из школы. В заявлениях они писали о том, что учеников водят на практику в госпиталь и там их учат перевязывать раны, держать тазы при кровопускании, ставить клизмы, делать надрезы для прививок от оспы, находиться и помогать при проведении операций, а к этому казахские дети имеют сильное отвращение. Дети, выросшие в степи, привыкшие к вольности и свежему воздуху, не могут перенести тяжелую атмосферу госпиталя. Поэтому за все время существования фельдшерской школы с 1844 по 1871 гг. полный курс со званием младших фельдшеров окончило всего 5 казахских юношей (Васильев, 1896а: 31-33).

Развитию широкого просвещения в Казахском крае способствовало открытие школ при степных укреплениях. В Представлении Оренбургскому генерал-губернатору председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев представил проект по введению первоначального обучения киргизских детей в русско-киргизских школах. Согласно проекту, в Уральском и Оренбургском укреплениях должны быть открыты школы с контингентом 25 учеников и с одним учителем; учитель одновременно должен исполнять обязанности смотрителя школы.

Для обучения надо принимать детей всех желающих казахов. Ученики будут изучать русскую и казахскую грамоту и чтение, грамматику и арифметику. В качестве приходящих учеников могут обучаться дети русских поселенцев (Ильминский, 1891: 96-102). Поскольку для реализации программы Григорьева не было государственных средств, Ибрай Алтынсарин, служивший переводчиком в Оренбургском укреплении, обратился к казахам с предложением собрать деньги для открытия школ. Подчеркивая большую важность обучения казахских детей в русско-казахских школах, он смог собрать необходимые средства для их открытия (Deniz Balgamis, 2000: 104).

Согласно вышеназванным Правилам, для школ должны быть построены здания из местного строительного материала. На содержание каждой школы ежегодно выделялись деньги из казны в размере 1803 рубля 50 копеек. В статье расходов 50 рублей шло на ремонт школьного дома; 75 рублей – на ремонт мебели, посуды, учебных принадлежностей; 360 рублей – на отопление и освещение; 687 рублей 50 копеек – на питание воспитанников; на обеспечение сирот и бедных одеждой, бельем и обувью – 150 рублей; на жалование учителю – 300 рублей; на жалование нанятым из казахов повару и прачке – 96 рублей. Если учитель по совместительству за плату исполнял обязанность переводчика при начальнике укрепления, то его жалование уменьшалось до 200 рублей и оставшиеся 100 рублей платили местному священнику за обучение детей русских поселенцев Закону Божьему (Ильминский, 1891: 107).

24 января 1864 г. в Областное правление оренбургскими киргизами был подан рапорт воинского начальника Оренбургского укрепления Тургай майора Яковлева о торжественном открытии 8 января 1864 г. казахской школы в Тургае. Открытие школы казахи встретили с радостью, и в тот же день было принято на обучение 14 мальчиков, преимущественно детей султанов, начальников дистанций и биев. Смотрителем школы был назначен зауряд-хорунжий Ибрай Алтынсарин. Для нужд школы по ведомости ему передали мебель, посуду, постельные принадлежности на сумму 222 рубля 68 копеек серебром (Ильминский, 1891: 118).

Рис. 1. Школа, открытая в 1864 году в Тургае

Об этом событии упоминается в одном из зарубежных исследований: в 1864 г. в Тургайской области открылась первая русско-казахская школа с помощью денег, которые собрал Алтынсарин, и его назвали первым учителем (Deniz Balgamis, 2000: 104).

В письме Ильминскому Алтынсарин писал, что в школу поступило 14 смысленных мальчиков, которые за 3 месяца выучились читать и даже писать по-русски и по-татарски (Ильминский, 1891: 221).

В 1876 г. в Оренбург с ревизией учебных заведений округа приехал министр Народного Просвещения граф Толстой. На совещании с участием министра местная администрация подняла вопрос об отсутствии в крае русских учителей, знающих казахский язык, или учителей из казахов, знающих русскую грамоту. Было решено открыть в одном из городов, близких к Тургайской и Уральской областям, учительскую семинарию. Для продвижения школьного образования в 1879 г. была учреждена должность инспектора школ в Тургайской области, на занятие которой был приглашен Ибрай Алтынсарин (Deniz Balgamis, 2000: 104). В этой должности он оставался до своей смерти в 1889 г. (Mustafa Özgür Tuna, 2002: 269). Необходимо признать, что, наблюдая и оценивая работу русско-казахских школ в северной степи, а также социально-правовые и экономические условия в более широком смысле, Алтынсарин сформировал свои собственные взгляды на колониальное управление, состояние казахов и роль образования в их будущем (Ian Wylie Campbell, 2011: 179).

В июне 1882 г. было получено Соизволение императора об открытии в Орске казахской учительской школы, с января по март 1883 г. проведены приемные экзамены по русскому языку и арифметике, и с 10 апреля того же года 20 казахских мальчиков приступили к учебе (Васильев, 1896а: 116-117). В первый год по итогам экзамена 15 учеников были переведены в следующий класс, 5 – остались на повторный курс. Первый выпуск состоялся в 1886 г., школу окончило 10 юношей из Тургайской области, которые после завершения учебы поступили на педагогическую службу (Васильев, 1896а: 121).

К сентябрю 1884 г. во всех уездных городах области были открыты двухклассные школы, в Тургае основана ремесленная школа. Одна из них – Кустанайское двухклассное русско-казахское училище.

Рис. 2. Ибрай Алтынсарин с учащимися и учителями Кустанайского двухклассного училища

На повестке стоял вопрос об открытии в области технического училища для обучения молодежи технологиям выделки кожи, изготовления валенок, пуховых платков, свечей, так как при традиционном хозяйстве казахов – скотоводстве – такие мастера очень были нужны для переработки сырья и производства необходимых товаров (Ильминский, 1891: 258-260).

Актуальной была и проблема развития женского образования. В 1887 г. в Иргизе было открыто женское училище для русских девочек, на содержание которого выделялось 1000 рублей в год: 226 рублей из казны и 724 рубля из городских средств. Через год при училище был открыт интернат для казахских девочек. Условия содержания пансионеров были хорошими. Девочкам выдавалось белье и «изысканная одежда». Важное место уделялось и подбору штата работников. Например, заведующая училищем Сахарова занималась с русскими девочками, а ее помощница Царегородцева, знавшая казахский язык и имевшая большой учительский опыт, – с казашками (Васильев, 1896а: 99-102).

Помимо основного учебного курса, девочек обучали ручному шитью, вязанию и другим практическим навыкам, необходимым в жизненной практике. В 1890 г. в интернате обучалось 15 русских и 20 казахских девочек (Алекторов, 1900: 94).

Меры, принимаемые по решению вопросов образования, способствовали увеличению числа учебных заведений. По состоянию на 1893 г. в Тургайской области насчитывалось 19 русско-казахских школ, включая одноклассные и двухклассные мужские и женские училища, вечерние школы для взрослых, ремесленные училища. Общее число обучающихся составило 358 человек (Обзор, 1894).

Для дальнейшего обучения выпускников учительской семинарии были учреждены стипендии в Красноуфимском реальном (позже промышленном) училище. Здесь они могли продолжить обучение по техническим специальностям, чтобы затем обучать разным ремеслам и технологиям детей. В 1886 г. первые 4 стипендиата начали обучение. В 1888 г. количество стипендий для казахских юношей увеличили до 10. Первые выпускники училища по прибытии домой не смогли применить свои знания на практике, так как в степи не было промышленных и сельскохозяйственных производств (Васильев, 1896а: 148).

1 октября 1893 г. вступило новое Положение об управлении степными областями. Один из пунктов этого документа гласил о том, что все земские потребности должны решаться за счет народа. Был введен налог с каждой кибитки (хозяйства) в размере 1,5 руб. За счет них должны были содержаться и аульные (передвижные) школы (Васильев, 1896: 151).

Аульные школы – это школы нового типа, дешевые, приспособленные к жизни и быту кочевников (т.е. передвижные), так как административное деление, хозяйственный уклад, разбросанность кочевий затрудняли упорядочение народного образования в степи и выбор типа школ для обучения детей казахов (Греховодов, 1913: 6, 8).

За счет земских средств к 1894 г. в Тургайской области было открыто 25 аульных школ. Несмотря на поддержку этой идеи казахами, количество учеников в них было незначительно, так как кочевья простирались далеко и особенно зимой, из-за погодных условий, дети не могли посещать занятия. Для решения материальных проблем аульных школ учреждалась должность почетного блюстителя из знатных состоятельных казахов. Приказом Тургайского военного губернатора от 8 сентября 1895 г. был утвержден список почетных блюстителей аульных школ, куда вошли наиболее достойные лица. Это была хорошая альтернатива попечительским советам в условиях передвижных школ (Васильев, 1896а: 157).

Еще одна проблема высветилась в организации аульных школ – проблема учителей. Нужны были грамотные люди, обученные учить и воспитывать детей кочевников. И. Алтынсарин в письме Н.И. Ильминскому писал: «Для народных школ учителя составляют все; с ними не могут сравниться ни прекраснейшие педагогические руководства, ни благотельнейшие правительственные распоряжения, ни тщательный инспекторский надзор...» (Ильминский, 1891: 247). Он сокрушался маленькими зарплатами, учрежденными властями для учителей. По его мнению, за такие деньги (200–300 рублей) не поедет более или менее способный человек в степь, чтобы жить совершенно по-казахски, т.е. зимовать и кочевать со школой и своими учениками круглый год. А если посылать в эти школы учителями клязников-казаков или спившихся чиновников, которым нет места по всей России, то народ совершенно охладет к русским школам (Ильминский, 1891: 241).

Например, говоря о положении учителей аульных школ, можно провести аналогию с положением учителей начальных школ Сибири. Там также основная масса учителей была выходцами из крестьян, большинство из них имели начальное образование, средний возраст составлял 25–30 лет, педагогический стаж до 6 лет. Тяжелые условия жизни, нищенская зарплата заставляли их покидать сельские школы и искать лучшей доли (Андреев, 2015: 134).

Для решения вопроса обеспечения аульных школ учителями в 1894 г. в Кустанае были созданы двухгодичные педагогические классы. А чуть ранее в 1893 г. были учреждены 3 стипендии для подготовки кадров в Казанской учительской семинарии, с 1896 г. – 6 стипендий (Васильев, 1896а: 158). Эти меры, отчасти в ближайшее время, должны были закрыть вопрос с учителями для аульных школ.

Поддержка правительством идеи аульных школ активизировала местные власти на расширение финансирования их открытия. К 1 января 1896 г. в Тургайской области уже насчитывалось 35 аульных школ, в которых обучалось 542 ученика: 16 из них в Кустанайском, 7 – в Актюбинском, 5 – в Тургайском и 7 – в Иргизском уездах (Васильев, 1896а: 161).

Как уже говорилось выше, по Ильминскому, «обучение инородцев должно происходить на их же родном языке, и притом на языке народном в противоположность книжному, т.е. арабскому. Для преподавания «народного» языка нужны были учебники на этом языке, напечатанные с применением основанных на русской графике алфавитов. Н.И. Ильминский так описывал проблему учебников: «Для открываемых при степных укреплениях маленьких киргизских школ областное начальство принуждено было приобретать книги, мало или вовсе не подходящие к начальному обучению киргизов. Вот образцовая ведомость книг для аульных школ: русская азбука, татарская азбука, русская грамматика, арифметика, русская хрестоматия, татарская книга для чтения, татарско-русский словарь. Всех этих книг назначено по 25, по экземпляру на каждого ученика» (Ильминский, 1891: 29). В.В. Григорьев, начальник Оренбургской пограничной комиссии, озабоченный составлением учебника русского языка для казахских школ, поручил Ильминскому составить учебник русского языка для казахских школ, по-русски и по-казахски (Ильминский, 1891: 30). Именно Ильминский составил первый «Самоучитель русской грамоты для киргизов».

К этому времени российская наука уже сделала успехи в изучении и кодификации казахского языка. В 1831 г. издательство Казанского университета выпустило первые книги на казахском языке с использованием арабо-персидской графики. В 1870 г. в Санкт-Петербурге были изданы «Образцы народной литературы тюркских племен» В.В. Радлова, в 1897 г. в Оренбурге вышла в свет «Грамматика киргизского языка» В.В. Катаринского, в дальнейшем за ними последовали работы Н.Ф. Катанова и А.Е. Алекторов. Наконец в 1883, 1894 и 1900 гг. в Оренбурге и Ташкенте увидели свет первые русско-киргизские словари (Субханбердина, 1996: 52).

В 1870 г. Н.И. Ильминский написал письмо в Министерство народного просвещения: «Трехлетняя деятельность в Оренбурге меня сблизила с казахами. Здесь меня удивило одно, что, несмотря на отдаленность от культуры, необразованный, кочующий народ очень красноречив. Мне очень понравился казахский язык. В этом языке сохранился быт древних тюрков. Но в Казахской степи распространяется татарская грамматика, что грозит уничтожением особенностей диалекта казахского языка. Я считаю, что главное решение сохранения казахского языка от татаризмов – введение русского алфавита. К этому меня подтолкнуло желание изучить Казахскую степь и любовь к казахскому национальному языку. Я на этот язык смотрю как на основной источник в исследовании лингвистики» (НАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 8. Л. 72-73).

В письме Н.И. Ильминскому о его идее внесения русского алфавита в казахскую среду Алтынсарин говорил: «Это безоговорочно полезное мнение», однако констатировал и те факты, что трудно осуществить это одному человеку, к тому же появляются сомнения родителей, а книги, написанные русским алфавитом, медленно вливаются в казахскую среду. «С одной стороны, – добавлял он, – из-за фанатизма, с другой стороны, от непривычки к русскому писанию и от влияния татарского алфавита, распространившегося в нашей стране. Если учитывать все это, всеобщие книги для чтения не выходят из стен школы, оставаясь там» (Ильминский, 1891: 227).

Судя по отрывку письма, где Алтынсарин пишет: «Еще Вы попросили найти грамотного помощника для собирания учебного пособия», – видимо, Ильминский сам собирался составлять учебник для казахских детей с русской транскрипцией (Ильминский, 1891: 228) и хотел знать мнение Ибрая по этому вопросу.

О написании учебника для детей Алтынсарин задумался еще в 1873 г., так как в письме Ильминскому от 20 марта он пишет: «Причина, по которой пишу письмо и беспокою Вас – получение недавней вестки. Вестка о том, что по предложению министра по просвещению народа, для участия в собрании учебного пособия русским алфавитом в Казани для казахских детей наш военный губернатор отправляет меня в Казань». В письме Н.И. Ильминскому от 8 декабря 1876 г. Алтынсарин пишет: «Чтобы избавиться от учебников, написанных на татарском языке, я только вчера начал книгу для чтения на казахском языке. Ее я начал со стиха...», – и приводит весь стих: «Кел, балалар, оқылық». («Давайте, дети, учиться»). В оригинале это стихотворение начиналось со строки: «Бір құдайға сыйынып» (с казахского «Молясь одному богу») (Ильминский, 1891: 236). Но в советскую эпоху эта строка была убрана как в казахском, так и русском вариантах. Данное поэтическое произведение явилось одним из дидактических стихотворений в казахской литературе, призывавших детей к учебе и знаниям (Оспанов, 2016: 125).

Ибрай поделился с Ильминским идеей о том, каким образом он хочет построить учебник: «Для первой книжки думаю придерживаться того порядка, по которому составлена книга Паульсона, конечно с приспособлениями для киргизских мальчиков. Басен не желаю вносить, так как киргизская натура, развивающаяся посреди суровой жизни, требует вообще предметов посерьезнее. Для киргизских мальчиков, по мнению моему, более идут остроумные анекдоты, загадки, рассказы наставительного характера или о чем-нибудь таком, которое бы возбудило любопытство, например вроде превращения шелковичных червей, бабочек, устройства себе жилищ бобрами и т.п. Песни я буду брать, если можно будет, из киргизских. Во второй же книжке я бы желал поместить рассказы о явлениях и силе природы, исторические, географические, одним словом научные, но вместе с тем занимательные...» (Ильминский, 1891: 237-238). Подтверждением этого могут служить названия некоторых рассказов, включенных в учебное пособие: «Паук, муравей и ласточка», «Польза любознательности», «Садовые деревья», «Клочок ваты», «Золотой орех», «Чистый родник», «Счастливей человек», «Справедливость» и т.д. (Алтынсарин, 1879: 1-8, 39-44).

В «Воспоминаниях об Алтынсарине» Ильминский пишет о том, что Алтынсарин составил учебную книгу для киргизских школ, предположив ее в двух частях: первая часть, которая и напечатана русскими буквами в 1879 г. под заглавием «Киргизская хрестоматия». В том же году он создал «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» (Ильминский, 1891: 36). «Киргизская хрестоматия» явилась первым учебником, написанным на казахском языке на основе русской графики.

Большая часть содержания казахского учебника состояла из песен казахского народа, стихов, пословиц и загадок, которые были собраны Алтынсариним в течение десятилетней административной службы в Тургайской области (Ian Wylie Campbell, 2011: 195).

И как этнограф, и как педагог Алтынсарин интересовался представлением, переупаковкой и компиляцией знаний в преобразующей манере, т.е. они были составлены с целью формирования мировосприятия детей в общем и в частности. В то же время он больше интересовался составлением широко известной информации, ее упрощением и распространением среди широкой публики (Ian Wylie Campbell, 2011: 170-171).

Продолжался курс на расширение сети волостных школ. Это была следующая ступень школы после аульной. Например, в 1895 г. в Кустанайском уезде насчитывалось уже 7 волостных школ (Васильев, 1896а: 171).

Уделялось внимание дальнейшему развитию школ для девочек. К 1892 г. существовало лишь 2 русско-казахских училища в Иргизе и Тургае. 10 марта 1893 г. было открыто Кустанайское женское училище и принято на учебу 50 девочек: 38 русских и 12 казашек вместо 20 планируемых. Но уже в следующем количестве желающих поступить учиться казашек превысило норму. Актюбинское женское училище открылось 26 сентября 1896 г. с контингентом воспитанниц: 50 русских и 20 казашек.

Благодаря принятым мерам, к 1 января 1896 г. в Тургайской области уже насчитывалось 5 русско-казахских женских училища (наиболее оборудованными из них были Иргизское и Кустанайское) и одна Кустанайская прогимназия (Васильев, 1896а: 174).

Двухклассные училища в уездных городах стали центрами русско-казахского образования. Из четырех уездных училищ самым благоустроенным считалось Кустанайское, находившееся в хорошем здании с интернатом, мастерскими, баней, столовой комнатой, складом для продуктов. Вокруг школы был разбит сад. Наименее благоустроенным было Иргизское училище, находившееся в ветхом помещении. Но в 1896 г. военный губернатор области, будучи по служебным делам в Петербурге, подал ходатайство, и вопрос со строительством типового здания для Иргизской школы был решен.

Кроме основных предметов, в данных школах преподавались уроки гимнастики и пения, направленные на развитие способностей детей. Но процесс введения этих дисциплин шел осторожно, чтобы родители детей из-за религиозных предрассудков не выступили против этих занятий. Через пару лет эти предметы стали обычными (Васильев, 1896а: 180).

Чтобы ограничить влияние татарских богословов в школах, уроки по мусульманскому вероучению должны были вести учителя из казахов, а учебник по основам ислама должен был быть

написан на казахском языке русским алфавитом. В 1884 г. в Казани было издано учебное пособие для русско-киргизских школ «Шариати ислам», в котором в доступной и объективной форме были даны основы мусульманской религии. Если первое издание книги было на арабском языке, то уже второе издание, выпущенное Оренбургским учебно-окружным управлением, было написано на казахском языке русским алфавитом (Васильев, 1896а: 180).

Новым направлением в развитии образования стали обучение взрослых и техническое образование. Для обучения неграмотных взрослых казахов, желающих учиться, в 1888 г. в Иргизе была открыта первая вечерняя школа. Число обучающихся не превышало 20 человек, да и те посещали занятия нерегулярно, так работали по найму и не были вольны в своих действиях (Васильев, 1896а: 180).

В 1890 г. в Тургае открылось ремесленное училище, позже названное Яковлевским. Вначале учеников обучали кузнечно-слесарному ремеслу, позже стали учить столярно-токарному делу. В 1893 г. встал вопрос о строительстве Кустанайского сельскохозяйственного училища.

В приграничных Актюбинском и Кустанайском уездах в связи с благоприятными условиями для земледелия прибыло много русских переселенцев. Надо было решать вопрос с обучением их детей. К началу 90-х гг. XIX века в области насчитывалось 4 русских учебных заведения: два одноклассных мужских, одно женское училище и вечерние курсы для взрослых (Васильев, 1896а: 182). Отсутствие русских школ было чревато ассимиляцией переселенцев с казахами, так как многие из них селились в казахских аулах, арендуя у них земли под земледелие или нанимаясь к богатым казахам пасти скот, работать по дому. Чтобы учить детей, они отдавали их в казахские аульные школы. В своем отчете за 1894 г. военный губернатор Акмолинской области отмечал, что русские переселенцы, окруженные инородцами, очень нуждаются в умножении числа церквей и школ. «Киргизы по своему невежеству и апатичному отношению к делам веры, активного вредного влияния на соседнее православное население не имеют, но последние, будучи удалены в большинстве случаев на 30, 40 и даже на 60 и на 100 верст от своих храмов, совершенно отвыкают от исполнения правил и предписаний православной церкви, нравственно грубеют и пассивно перенимают нравы и обычаи мусульман-инородцев» (ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 45. Л. 120б.-13). Колониальные власти не могли допустить, чтобы русские были поглощены инородцами. Для сохранения национальной идентичности русских надо было развить сеть образовательных заведений для переселенцев.

Для продвижения политики образования русских в Тургайской области в апреле 1891 г. было создано Общество попечения о распространении начального русского образования в Кустанайском и Актюбинском уездах – районах с наибольшей концентрацией переселенцев. 9 октября 1893 г. открылось Кустанайское одноклассное училище с интернатом на 20 учеников. Одновременно местные власти ходатайствовали об учреждении в Кустанае двухклассного училища, чтобы дети русских чиновников и купцов могли получать достойное статусу их родителей образование. 1 июля 1895 г. было открыто Кустанайское двухклассное городское училище (Васильев, 1896а: 189).

Таким образом, за период 1878–1895 гг. в Тургайской области было открыто 59 учебных заведений. Это был значительный прорыв в культурном развитии народа, и большую роль в этом сыграл первый казахский педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин: «...как учитель, он взял на себя ответственность представлять казахов, степь, Российскую империю и более широкий мир другим казахам» (Ian Wylie Campbell, 2011: 171).

5. Заключение

Таким образом, во второй половине XIX века наметилась позитивная тенденция к развитию школьного образования на территории современного Казахстана. С одной стороны, это было обусловлено государственной политикой реформирования национальных школ с целью русификации так называемых инородцев. С другой стороны, представители местного сообщества поддержали идею открытия школ для казахов, видя в образовании перспективу благополучного будущего для своих детей.

Наглядным примером значительных преобразований в области школьного обучения явилась Тургайская область, занимающая ключевое геополитическое положение на границе между собственно Россией и Казахской степью. Именно здесь открылись первые русско-казахские школы, в том числе и для девочек-казашек, технические и педагогические учебные заведения, создавались и апробировались первые учебники на казахском языке. Значительный вклад в развитие школьного образования в крае внес первый казахский педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин. Именно с его именем связаны достижения в развитии просвещения казахского народа во второй половине XIX века.

Литература

- Алекторов, 1900 – Алекторов А.Е. Очерк народного образования Тургайской области. Летопись 1744–1898 гг. 2 выпуск. Оренбург, 1900. 277 с.
 Алтынсарин, 1879 – Алтынсарин И. Киргизская хрестоматия. Казань, 1879. 100 с.
 Андреев, 1915 – Андреев Н. Начальные школы в Сибири // Русская школа. 1915. № 2. С. 123-145.

- Бекмаханова, 2008** – *Бекмаханова Н.Е. и др.* Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. 454 с.
- Васильев, 1896a** – *Васильев А.В.* Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург. 1896. 226 с.
- Васильев, 1896b** – *Васильев А.В.* Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург. 1896. 14 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Греховодов, 1913** – *Греховодов М.* Народное образование среди киргизского населения Петропавловского уезда Акмолинской области. Казань, 1913. 34 с.
- Дамешек, Ремнев, 2007** – *Дамешек Л.М., Ремнев А.В.* Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 370 с.
- Ильминский, 1891** – *Ильминский Н.И.* Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань, 1891. 396 с.
- Матвиевская, 2016** – *Матвиевская Г.П.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории. М., 2016. 174 с.
- НА РТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Обзор, 1894** – Обзор Тургайской области за 1893 год. Ведомость № 12. «О числе учебных заведений и учащихся в Тургайской области за 1893 год». Оренбург, 1894.
- Оспанов, 2016** – *Оспанов С.О.* Неугасимое пламя. Костанай, 2016. 350 с.
- Оспанов, 2017** – *Оспанов С.О.* Мир Алтынсарина. Костанай. 2017. 392 с.
- Остроумов, 1899** – *Остроумов Н.П.* К.П. Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова. Ташкент, 1899. 147 с.
- Сопленков, 2000** – *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000. 214 с.
- Субханбердина, 1996** – *Субханбердина У.* Казак кітабының шежіресі 1807–1917. Алматы, 1996. 285 с.
- Ткаченко, 2002** – *Ткаченко Д.С.* Национальное просвещение в российской империи в XIX – начале XX века (на примере Ставрополя, Кубани и Дона). Ставрополь, 2002. 240 с.
- Чудновский, 1888** – *Чудновский В.* Наши учебные заведения: Школы в Сибири // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1888. С. 55-87.
- Deniz Balgamis, 2000** – A. Deniz Balgamis. The Origins and Development of Kazakh Intellectual Elites in the Pre-Revolutionary Period. Wisconsin-Madison, 2000. 259 с.
- Ian Wylie Campbell, 2011** – Ian Wylie Campbell. Knowledge and Power on the Kazakh Steppe, 1845-1917. Michigan, 2011. 471 p.
- Mustafa Özgür Tuna, 2002** – Mustafa Özgür Tuna. Gaspıralı V.II'minskii: two identity projects for the Muslims of the Russian Empire // *Nationalities Papers.* Vol. 30. 2002. №2. pp. 265-289.
- Tomohikou Yama, 2000** – Tomohikou Yama. The geography of civilizations: a spatial analysis of the Kazakh intelligentsia's activities, from the mid-nineteenth to the early twentieth century In K.Matsuzato (ed.) *Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World.* Sapporo, 2000. pp. 70-99.

References

- Alektorov, 1900** – *Alektorov A.E.* (1900). Oчерk narodnogo obrazovaniya Turgaiskoi oblasti. Letopis' 1744–1898 gg. 2 vypusk. [Essay of public education of Turgay region. Chronicle of 1744–1898. 2 issue] Orenburg. 277 p. [in Russian]
- Altynsarin, 1879** – *Altynsarin I.* (1879). Kirgizskaya khrestomatiya. [Kirghizian chrestomathy] Kazan'. 100 p. [in Russian]
- Andreev, 1915** – *Andreev N.* (1915). Nachal'nye shkoly v Sibiri [Elementary schools in Siberia]. *Russkiye shkoly*, №2. pp. 123-145 [in Russian]
- Bekmakhanova, 2008** – *Bekmakhanova N.E. i dr.* (2008). Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia within the Russian Empire]. M. 454 p. [in Russian]
- Vasil'ev, 1896a** – *Vasil'ev A.V.* (1896). Istoricheskii oчерk russkogo obrazovaniya v Turgaiskoi oblasti i sovremennoe ego sostoyanie [A historical sketch of Russian education in the Turgai region and its current state]. Orenburg. [in Russian]
- Vasil'ev, 1896b** – *Vasil'ev A.V.* (1896). Neplyuevskii kadetskii korpus kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovaniya kirgizov [Neplyuevsky Cadet Corps as the first educational institution in the history of the Russian education of the Kirghiz]. Orenburg. 14 p. [in Russian]
- ГАОО** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archives of the Orenburg Region]
- Grekhovodov, 1913** – *Grekhovodov M.* (1913). Narodnoe obrazovanie sredi kirgizskogo naseleniya Petropavlovskogo uezda Akmolinskoi oblasti [Public education among the Kirghiz population of Petropavlovsk county of Akmola region]. Kazan', 34 p. [in Russian]
- Dameshek, Remnev, 2007** – *Dameshek L.M., Remnev A.V.* (2007). Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia in the Russian Empire]. M. 370 p. [in Russian]
- Il'minskii, 1891** – *Il'minskii N.I.* (1891). Vospominaniya ob I.A. Altynsarine [Memories of I.A. Altynsarin]. Kazan', 396 p. [in Russian]

- [Matvievskaia, 2016](#) – *Matvievskaia G.P.* (2016). Orenburgskii Nepleyuevskii kadetskii korpus. Ocherk istorii [The Orenburg Nepleyuevsky Cadet Corps. Essay on the history] M. 174 p. [in Russian]
- [NA RT](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archive of the Republic of Tatarstan]
- [Obzor, 1894](#) – Obzor Turgaiskoi oblasti za 1893 god. Vedomost' №12. O chisle uchebnykh zavedenii i uchashchikhsya v Turgaiskoi oblasti za 1893 god [Review of the Turgai region for 1893. Statement №12. «On the number of educational institutions and students in the Turgai region for 1893»]. Orenburg, 1894 [in Russian]
- [Ospanov, 2016](#) – *Ospanov S.O.* (2016). Neugasimoe plama [Unquenchable flame]. Kostanai, 350 p. [in Russian]
- [Ospanov, 2017](#) – *Ospanov S.O.* (2017). Mir Altynsarina [The world of Altynsarin]. Kostanai, 392 p. [in Russian]
- [Ostroumov, 1899](#) – *Ostroumov N.P.* (1899). K.P. Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraia. Lichnye vospominaniya N.Ostroumova [K.P. Kaufman, organizer of the Turkestan region. Personal memoirs of N. Ostroumov]. Tashkent, 147 p. [in Russian]
- [Soplenkov, 2000](#) – *Soplenkov C.B.* (2000). Doroga v Arzrum: rossiiskaya obshchestvennaya mysl' o Vostoke (pervaya polovina XIX v.) [Road to Arzrum: Russian public thought about the East (first half of the 19th century)]. M. 214 p. [in Russian]
- [Subkhanberdina, 1996](#) – *Subkhanberdina U.* (1996). Kazak kitabynyn shezhiresi.1807-1917. [History of the Kazakh book] Almaty, 285 p. [in Kazakh]
- [Tkachenko, 2002](#) – *Tkachenko D.S.* (2002). Natsional'noe prosveshchenie v rossiiskoi imperii v XIX - nachale XX veka (na primere Stavropol'ya, Kubani i Dona) [National enlightenment in the Russian Empire in the XIX - early XX century (the example of Stavropol, Kuban and the Don)]. Stavropol', 240 p. [in Russian]
- [Chudnovskii, 1888](#) – *Chudnovskii V.* (1888). Nashi uchebnye zavedeniya: Shkoly v Sibiri [Our schools: Schools in Siberia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, p. 55-87 [in Russian]
- [Deniz Balgamis, 2000](#) – *Deniz Balgamis A.* (2000). The Origins and Development of Kazakh Intellectual Elites in the Pre-Revolutionary Period. *Wisconsin-Madison*, 259 p.
- [Ian Wylie Campbell, 2011](#) – *Ian Wylie Campbell.* (2011). Knowledge and Power on the Kazakh Steppe, 1845-1917, Michigan. 471 p.
- [Mustafa Özgür Tuna, 2002](#) – *Mustafa Özgür Tuna* (2002). Gaspirali V.II'minskii: two identity projects for the Muslims of the Russian Empire. *Nationalities Papers*. Vol. 30. №2, pp. 265-289.
- [Tomohikou Yama, 2000](#) – *Tomohikou Yama.* (2000). The geography of civilizations: a spatial analysis of the Kazakh intelligentsia's activities, from the mid-nineteenth to the early twentieth century In K. Matsuzato (ed.) *Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World*. Sapporo. pp. 70-99.

Развитие школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века

Г.У. Карпыкова^{a,*}, Б.М. Утегенова^a, С.О. Оспанов^a

^a Костанайский государственный педагогический университет, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века. Значительное внимание уделено открытию учебных заведений различного типа для детей казахов.

В качестве материалов использованы документы Государственного архива Оренбургской области и Национального архива Республики Татарстан. Важное значение имеют научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды, а также материалы личного происхождения (воспоминания, письма).

В заключении авторы отмечают, что Тургайская область явилась своего рода наглядным примером положительной динамики развития школ, так как имперская политика реформирования национальных школ нашла здесь поддержку в лице выдающегося казахского педагога-просветителя Ибрая Алтынсарина. Исторический феномен личности Алтынсарина проявился в том, что он, обладая прогрессивными просветительскими взглядами для того времени, видел в открытии русскоязычных школ для детей казахов, помимо прочего, положительные последствия просвещения народа.

Ключевые слова: Тургайская область, просвещение инородцев, русификация, система Ильминского, русско-киргизская школа, аульная школа, Ибрай Алтынсарин, женское образование, техническое образование, «Киргизская хрестоматия».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galina_karp@inbox.ru (Г.У. Карпыкова), bibi1960@mail.ru (Б.М. Утегенова), kmkz55@mail.ru (С.О. Оспанов)